

северо-западе Якутии, в результате сложных взаимовлияний эвенкийской и якутской культур, наслоившихся на какой-то древний аборигенный субстрат, возникла своеобразная культурная область.

Образование этой культурной области, так же как особой этнографической группы якутов-оленьеводов, справедливо рассматривается в книге как одно из явлений, характеризующих поздний этап формирования якутского этноса. После включения Якутии в состав Русского государства широкое расселение якутов по территории Ленского края и прилегающим областям привело к возникновению ряда больших локальных обособленных групп якутского народа, в том числе и наиболее своеобразной северо-западной — оленьеводческой. Вследствие этого значительно усложнилась этническая структура якутского народа, стала более разнообразной и многогранной его культура.

В советский период в ходе социалистического переустройства хозяйства, укрепления экономических связей, общего подъема культуры исчезла былая обособленность отдельных локальных подразделений якутов. Культура северных якутов-оленьеводов, так же как и других групп, сблизилась с культурой центральных якутов. Нельзя не согласиться с общим выводом автора, что сглаживание этнографических различий между отдельными группами якутского народа, сложение современных общезакутских черт культуры — проявления процесса консолидации якутской социалистической нации.

Таким образом, исследование истории и культуры одного из локальных подразделений якутов позволило осветить существенные особенности развития якутского этноса, важные для понимания этнической истории и современных этнических процессов, происходящих в Восточной Сибири. Вместе с тем работа не лишена отдельных недостатков. Так, данные о древнем этническом субстрате, предшествовавшем тунгусам и якутам, не во всех разделах монографии освещены с должной полнотой и не сведены воедино. Нельзя не выразить сожаления, что стихотворные тексты свадебных напутствий, благопожеланий, а также охотничьих заклинаний и т. д. даны только в переводе на русский язык без приложения якутского подлинника. Встречаются неточности в написании якутских терминов. Несомненно, некоторые гипотезы, выдвинутые автором, в частности о становлении отдельных культурных явлений, могут вызвать споры и в дальнейшем будут уточнены, однако то, что сделано, представляет собой большой вклад в сибиреведение и является своего рода «трамплином» для дальнейшей разработки проблемы «северных якутов». За этот вклад в якутоведение и в историю Сибири в целом ему будут признательны и дальнейшие поколения исследователей.

А. П. Окладников

І. М. Браі́м. Рыбалоўства ў Беларусі. Мінск, 1976, 135 с.

Рецензируемая книга интересна прежде всего тем, что в ней впервые на основе широкого и разнообразного круга источников исследованы историко-этнографические аспекты рыболовного промысла у белорусов. Следует отметить, что в этнографической литературе о восточнославянских народах такого обстоятельного многопланового историко-этнографического исследования, отражающего современный уровень научных представлений об этом традиционном промысле, пока не было. Поэтому при разработке научной проблематики, систематизации и анализе историко-этнографических материалов возникло немало сложностей. Автор с большинством их успешно справился.

Поражает обилие и разнообразие источников, привлеченных автором. Так, И. Н. Браим одним из первых широко использовал материалы о рыболовном промысле, имеющиеся в архивах и историко-краеведческих музеях, а также собранные во время этнографических экспедиций и обнаруженные в фондах Государственного музея этнографии народов СССР. Им выявлен разнообразный материал в различных изданиях — в дореволюционной периодике, в этнографических и статистических сборниках, в средневековых письменных источниках.

Несомненная заслуга автора — расширение источниковедческой базы, всесторонний подход к исследованию темы. Автор считает необходимым не только выяснить роль рыболовства в производственной деятельности белорусов, охарактеризовать этнографические особенности традиционных рыболовных орудий и способов их использования, но и изучить основные закономерности развития рыболовного промысла и его организацию, рассмотреть его влияние на быт населения. Приходится сожалеть, однако, что автор ограничил рамки своего исследования XIX—XX в. (предшествующие стадии в истории рыболовства пока еще слабо изучены).

В работе И. Н. Браима предпринята попытка серьезного научного анализа рыболовной техники, выявлены локальные особенности традиционных рыболовных орудий, впервые составлена карта распространения большинства рыболовных орудий на территории Белоруссии.

Рецензируемую книгу можно условно разделить на две части. В первой рассматривается рыболовный промысел у белорусов в дореволюционный период, во второй анализируется его развитие в советскую эпоху.

Центральное место в первой части работы занимает этнографическая характеристика традиционной рыболовной техники. Одно из достоинств этого раздела — детальное описание не только орудий рыболовства, но и традиционных способов их использования. Текст хорошо иллюстрирован фотографиями и рисунками традиционных орудий. На таком уровне и с такой полнотой описание рыболовной техники белорусов выполнено впервые.

Заслуживают внимания постановка вопроса о классификации традиционных орудий рыболовства, а также уточнения, внесенные в современные классификации рыболовных орудий. Однако не все стороны этой интересной проблемы рассмотрены достаточно полно. В частности, мало обоснована необходимость классификации орудий рыболовства по комбинации признаков, хотя именно этому принципу отдано предпочтение в книге.

Положительно следует оценить стремление автора выявить сходство рыболовных орудий белорусов с рыболовными орудиями соседних народов и тем самым исследовать некоторые аспекты этнокультурных связей между ними. Рассмотренные здесь И. Н. Браимом факты были бы для читателя еще ценнее, если бы он посвятил им отдельный параграф. Большое научное значение имеет также выявление генезиса рыболовных орудий. К сожалению, автор остановился на происхождении только некоторых из них (стр. 57, 58, 64, 70).

Разумеется, в первом многоплановом исследовании рыболовства у белорусов, каким является рецензируемая книга, не все вопросы освещены в одинаковой степени. Более обстоятельно исследованы этнографические особенности рыболовных орудий и способы их использования, развитие рыболовного промысла в Белоруссии и различные формы его организации со второй половины XIX до 60—70-х годов XX в. Менее детально изучены вопросы классификации орудий рыболовства, роль рыболовства в производственной деятельности белорусов и его влияние на быт населения.

В целом работа И. Н. Браима существенно обогащает этнографическую литературу о рыболовном промысле. Она пополняет историко-этнографические исследования о традиционной материальной культуре и народных промыслах белорусов, опубликованные в последние годы¹, и вместе с ними создает предпосылки для более глубокого изучения этнической истории восточнославянских народов.

М. Ф. Пилипенко

¹ «Беларускае народнае жыллё». Мінск, 1973; «Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў». Мінск, 1974; «Беларускае народнае адзенне». Мінск, 1975; В. С. Титов. Народные деревообрабатывающие промыслы Белоруссии. Минск, 1976.

Карельские причитания. Издание подготовили А. С. Степанова и Т. А. Коски. Петрозаводск, 1976, 534 стр.

Одна из наиболее характерных особенностей фольклора финно-угорских народов — развитие высокохудожественных обрядовых причитаний, которые могут в этом смысле быть поставлены в один ряд с эпическими песнями и лучшими образцами сказок и лирических песен. Однако до недавнего времени они изучались и собирались сравнительно мало. Будущим историкам фольклористики предстоит выяснить причины этого своеобразного парадокса. Вероятно, сказалось и давнее увлечение эпосом (особенно карельским), а позже — сказками и, может быть, трудность фиксации причитаний без звукозаписывающих аппаратов. Возможно, сыграло свою роль и ложное мнение о преобладающем славянском (русском) влиянии на развитие причитаний как прибалтийских, так и поволжских финноязычных народов. Это представление поддерживалось действительной развитостью жанра причитаний в русском (причем особенно северно-русском) фольклоре и наличием (или сохранением?) в недавнем прошлом свадебных причитаний только у тех финно-угорских народов, которые на протяжении последних столетий особенно тесно контактировали с русскими (при этом имелись в виду не только социально-экономические и политические, но и конфессиональные связи).

В последние годы изучение причитаний финно-угорских народов довольно заметно продвинулось. В составе мордовской фольклорной серии издано три тома, в которых впервые было опубликовано значительное число записей свадебных (эрзянских и мокшанских), похоронных, рекрутских и внеобрядовых (эрзянских) причитаний¹. Каждый том был снабжен нотными (к сожалению, довольно малочисленными) примерами. Общая характеристика мордовских причитаний была дана в ряде трудов².

¹ См.: «Эрзянская свадебная поэзия». Составитель А. Г. Борисов. Общая редакция К. В. Чистова и Л. С. Кавтаскиной. Саранск, 1972, 471 с.; «Мокшанская свадебная поэзия». Составитель К. Т. Самородов. Общая редакция К. В. Чистова и Л. С. Кавтаскиной. Саранск, 1975, 400 с.; «Эрзянские причитания-плачи». Составитель Л. С. Кавтаскин. Общая редакция К. В. Чистова и К. Т. Самородова. Саранск, 1972, 374 с.

² См.: «Мордовское народное устно-поэтическое творчество». Саранск, 1975 (авторы соответствующих глав А. Г. Борисов и Л. С. Кавтаскин).